

RU

Роман Гавриила Потанина «Старое старится, молодое растет»
и русская повествовательная проза XIX века о крестьянах

Гусева З. В.

Аннотация. Статья посвящена анализу романа практически забытого сегодня писателя-шестидесятника Гавриила Никитича Потанина «Старое старится, молодое растет». Цель исследования – контекстуализация малоизвестного романа Г. Н. Потанина в отечественном историко-литературном процессе второй половины XIX в., в частности, в ряду произведений русской повествовательной прозы о крестьянах. Научная новизна исследования заключается в определении способа репрезентации крестьянского мира в романе «Старое старится, молодое растет» и в установлении конкретных связей между художественной реальностью романа и событиями жизни автора, отраженными в неопубликованных эго-литературных текстах Потанина – личном дневнике и автобиографии. Полученные результаты позволяют говорить о том, что «Старое старится, молодое растет» комбинирует уже существующие в русской традиции изображения крестьян мотивы, темы и ракурсы (это в первую очередь интерес к этнографии, критика городской цивилизации, некоторые образы). В то же время не совсем типичная любовная линия романа и то, что Потанин пишет Bildungsroman, где главным героем является крепостной, делают «Старое старится, молодое растет» уникальным для русской литературы произведением.

EN

G. N. Potanin's novel "The Old Gets Older, the Young Grows Up"
and 19th-century Russian narrative prose about peasants

Z. V. Guseva

Abstract. The article is devoted to the analysis of the novel "The Old Gets Older, the Young Grows Up" by the now almost forgotten writer Gavriil N. Potanin, "a man of the sixties" (1860s Russian intelligentsia). The purpose of the study is to contextualize G. Potanin's little-known novel within the Russian historical and literary landscape of the second half of the 19th century, specifically among works of Russian narrative prose about peasants. The scientific originality of the research lies in determining the way of representing the peasant world in the novel "The Old Gets Older, the Young Grows Up" and in establishing specific connections between the novel's fictional reality and events in the author's life, as reflected in Potanin's unpublished ego-literary texts – his personal diary and autobiography. The results obtained allow us to conclude that "The Old Gets Older, the Young Grows Up", on the one hand, combines motifs and themes already present in the Russian tradition of depicting peasants, themes, and perspectives (interest in ethnography, criticism of urban civilization, certain images). On the other hand, a not entirely typical love story and the fact that Potanin writes a coming-of-age novel in which the main character is a serf allow us to speak of the uniqueness of the novel "The Old Gets Older, the Young Grows Up" for Russian literature.

Введение

Актуальность исследования обусловлена высоким научным интересом к проблеме изображения быта и мышления крестьян в русской литературе, а также необходимостью системного изучения разночинской прозы как важнейшей составляющей отечественного литературного процесса второй половины XIX в. Поскольку роман Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет» во многом автобиографичен, настоящее исследование также отчасти проясняет вопросы о соотношении фикционального и автобиографического начал в творчестве писателей-шестидесятников.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи:

1) выявить ключевые особенности репрезентации крестьянской жизни в романе Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет»;

2) установить связь между изображенными в романе героями и событиями и реальными обстоятельствами жизни писателя, его окружением;

3) сопоставить характер изображения крестьянского мира в романе Потанина и в произведениях XIX в. о крестьянах других русских писателей.

Теоретической базой исследования стали, во-первых, отечественные и зарубежные труды, посвященные вопросам репрезентации крестьянской жизни в русской литературе второй половины XIX в. и разного рода связям между авторами таких текстов и их произведениями (Лотман, 1964; Сажин, 1989; Макеев, 1999; Вдовин, 2024). Во-вторых, нас интересовали работы, посвященные биографии и творчеству писателя Г. Н. Потанина (Макеев, 1968; 2001; Заборова, 1973; Блинчевская, 1983; Краснов, 2002; Артамонова, 2015). В исследовании Ю. М. Лотмана на примере творчества Д. В. Григоровича, Ф. М. Решетникова и Г. П. Данилевского обсуждается проблема этнографизма в литературе в аспекте истории жанра романа: как показывает исследователь, стремление к достоверности в изображении крестьянской жизни оказывается общим для разных жанровых вариаций – семейного, народного и исторического романа. В центре монографии В. Н. Сажина – также три имени: Н. Г. Помяловский, Ф. М. Решетников и В. А. Слепцов. Произведения этих писателей-шестидесятников, объединенные «спором о правде», рассматриваются Сажиным в неразрывной связи с судьбами их авторов и историко-культурным контекстом эпохи. В книге М. С. Макеева проблема связи автора и его произведения исследуется с точки зрения «подобия» писателя и созданного им литературного героя. Выходя за границы традиционного литературоведения, Макеев предлагает рассматривать «литературного персонажа не как отражение человека, но как средство его познания» (1999, с. 5). Ключевое значение для нашей статьи имела работа А. В. Вдовина. На обширном материале рассказов из крестьянского быта Вдовин рассматривает, как в русской литературе изображались крестьянское сознание и быт, уделяя особое внимание социальной функции прозы о крестьянах. Статьи А. Ф. Макеева, Р. Б. Заборовой, М. Я. Блинчевской, Л. М. Артамоновой, а также монография Г. В. Краснова при работе над настоящей статьёй были ценны для нас, главным образом, как источник биографических сведений о Г. Н. Потанине и информации о его архивах.

Материалом исследования послужили роман Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растёт», письма и материалы неопубликованного дневника писателя (РО ИРЛИ, ф. 634, д. 3820), неопубликованная автобиография «Curriculum vitae» (ОР РНБ, ф. 118, д. 1275), а также роман Л. Н. Толстого (1936) «Воскресение», повесть Ф. М. Решетникова (1956) «Яшка», рассказ А. И. Левитова (1874) «Бабушка Маслиха», повесть А. И. Герцена (1955) «Сорока-воровка», повесть Марко Вовчок (1956) «Игрушечка» и роман Д. В. Григоровича (1976) «Рыбаки».

Для выявления основных особенностей изображения крестьянской жизни в романе был использован метод целостного анализа текста; для установления соответствия между фактами жизни писателя и реальностью его романа в исследовании применялся биографический метод; выявить уникальные особенности и, напротив, характерные для прозы о крестьянах черты романа «Старое старится, молодое растёт» позволил сравнительно-сопоставительный метод, при помощи которого роман Потанина был соотнесен с другими произведениями русской литературы о простонародье.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования материалов и результатов, полученных в ходе работы, в курсах по истории русской литературы XIX в., при подготовке спецкурсов и спецсеминаров, посвященных русской прозе 1860-х гг. и вопросам репрезентации крестьянской жизни в отечественной литературе XIX в.

Обсуждение и результаты

В конце апреля 1860 г. Гавриил Никитич Потанин – недавно перебравшийся в Петербург из Самарской губернии учитель и начинающий писатель – посетил редактора журнала «Современник» Н. А. Некрасова и передал ему для прочтения рукопись первых десяти глав своего романа «Крепостное право». Более позднее название «Старое старится, молодое растёт» не было авторским, его дал роману Некрасов по требованию цензора сменить название, «несовременное» для года освобождения крестьян на волю. До этого Потанин склонялся к другому заглавию – «Учитель». Эти два названия, «Учитель» и «Крепостное право», отражали двойственную природу произведения: «Старое старится, молодое растёт» сложно строго отнести к одному типу романа, это одновременно и роман воспитания, и «крестьянский» роман из жизни крепостных. Для самого Потанина эти две ипостаси произведения, очевидно, были неразрывно связаны: автор часто высказывает мысль о том, что нормальное становление человека в условиях рабства невозможно.

Потанин работал над романом больше десяти лет, отдельные части произведения публиковались в разных журналах. Первые двенадцать глав (после прочтения романа Некрасовым Потанин дополнил рукопись), собственно, «Старое старится, молодое растёт», вышли в «Современнике» в 1861 г., затем в 1864–1865 гг. в журнале «Русское слово» под заголовком «Эпизоды из романа “Старое старится, молодое растёт”» было напечатано продолжение романа. Авторский фокус постепенно смещался с главного героя на его окружение в училище, семье, барском доме. Наиболее «крестьянской» стала первая опубликованная и самая большая по объёму часть текста – те двенадцать глав, которые вышли в «Современнике».

На уровне фабулы эта часть романа представляет историю взросления и обучения Васи Подпалкина – крепостного мальчика, сына дворового. В этой основной части текста мы прослеживаем жизненный путь Васи с момента его рождения до десяти лет. На примере жизни ребенка и во многих случаях его глазами Потанин – сам бывший крепостной – показывает, что такое крестьянская жизнь вообще.

Для репрезентации крестьянской жизни автор обращается к двум ее аспектам: бытовому и социальному. Первый из них связан с воспроизведением этнографических особенностей среды, в которой растет герой. Для Потанина, считавшего краеведение одной из главных сфер своей деятельности (с 1853 г. Потанин участвовал в сборе этнографических и краеведческих материалов для Русского Географического общества, позже стал членом-корреспондентом этнографического отдела РГО, подготовил ряд краеведческих работ), наряду с педагогикой и литературным творчеством, задача достоверного изображения простонародного быта и диалектной речи представлялась одной из первостепенных в работе над романом. О том, насколько это важно для писателя, можно судить по его письму к Некрасову от 5 января 1861 г. – в нем автор реагирует на то, как с его романом обошелся цензор К. С. Оберт. Потанин все время помнит, что их отношения с Некрасовым иерархичны, что он обращается к «старшему», но здесь не может сдержать недовольства – письмо оказывается очень эмоциональным. Одна из главных претензий писателя – в замене диалектных и просторечных слов в его романе литературными аналогами: «Для какого-нибудь немца Оберта, конечно, все равно, что “божий” и что “божеский” – то и другое göttlich для немца Оберта, и “маменька” и “мамынька”, и “бабушка” и “баушка” решительно не имеют разницы, потому что все Mutter да Großmutter. Ну, а для русского цензора это уж никак не должно быть все равно. Истинному русскому цензору должно быть очень известно, что фразы “сотвори божию милость” и “сделай божескую милость” так же похожи одна на другую, как идол на Бога, безмозгий на безмозглого, или, положим, хоть Оберт на настоящего русского цензора» (Блинчевская, 1983, с. 148-149). Проблема адекватного изображения простонародного быта в литературе, в том числе проблема передачи в литературных формах простонародной речи, начала по-настоящему обсуждаться в русской критике с 1854 г., когда в «Современнике» была опубликована статья П. В. Анненкова (2015) «По поводу романов и рассказов из простонародного быта». Когда Потанин дописывал и издавал «Старое старится, молодое растет», полемика, спровоцированная статьей Анненкова, еще продолжалась.

Главы романа, посвященные раннему детству героя, очень описательны. Здесь нет как таковой интриги, характерной для русского реалистического романа этого времени, мало развернутых диалогов и значимых для сюжета событий. Процесс взросления и становления человека представляет для Потанина большой и самостоятельный интерес. В первых строках романа, описывая обстоятельства рождения своего героя (что, в общем, очень в духе Bildungsroman), автор замечает: «Ничто не предшествовало его обыкновенному рождению: не приготавливались за полгода, не толковали об этом за целый месяц, не приглашали ни акушеров, ни ученых по книгам повивальных бабок, не шушукали в девичьей барыньки с девками, не ходили даже слуги на цыпочках и не орали во все горло: “Тише ты, леший! Что ломишься? Барыня-то тово”... Словом, не было этого ничего. Мать попросту, без затей, родила его в бане...» (Потанин, 1861а, с. 13) и т. д. Кроме мимоходом заявленного уже здесь противопоставления двух сословий, важным представляется указание на подчеркнутую «обыкновенность» рождения крестьянского ребенка – события, естественным образом встроенного в ход повседневной жизни.

Похожее описание рождения ребенка мы встречаем, например, в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» (1889-1899): «Незамужняя женщина эта рожала каждый год, и, как это обыкновенно делается по деревням, ребенка крестили, и потом мать не кормила нежеланно появившегося ненужного и мешавшего работе ребенка, и он скоро умирал от голода. Так умерло пять детей. Всех их крестили, потом не кормили, и они умирали. Шестой ребенок, прижитый от проезжего цыгана, была девочка, и участь ее была бы та же, но случилось так, что одна из двух старых барышень зашла в скотную, чтобы сделать выговор скотницам за сливки, пахнувшие коровой. В скотной лежала родильница с прекрасным здоровым младенцем» (1936, с. 6-7).

Показательна в этом отношении и повесть Ф. М. Решетникова «Яшка». Родители только что родившегося Яшки, бедные крестьяне, перебравшиеся из деревни в Петербург на заработки, ведут следующий диалог:

- Ну, слава богу, – сказал он [отец. – З. Г.], глядя то на жену, то на ребенка.
- Чего?
- Што родила; живой ведь.
- Лучше бы мертвый... Умрет, я думаю (Решетников, 1956, с. 466).

Чуть дальше читаем: «Ребенок не умирал. Его окрестили. После крестин прошла неделя, а Яшка живет и, как на зло, не дает матери покою» (Решетников, 1956, с. 470).

Вася Подпалкин, герой романа Потанина, – семнадцатый ребенок своих родителей и первый выживший. И если ситуация рождения ребенка изображается в романе как подчеркнуто обыденная, то это ненаступление смерти, напротив, представляется как ситуация неординарная – как и в случае с Катюшей Масловой и решетниковским Яшкой. Так, привычная современному человеку антитеза «родился – умер» в текстах о крестьянах заменяется другой: «родился – выжил».

Цельность и гармоничность описываемого в романе крестьянского мира тесно связаны с образами старух-нянек – Ионовны и Чудихи, которые представлены автором как носители народного сознания, народной культуры и религиозности и под большим влиянием которых находятся Вася и его младший брат Ваня. Сказки, предания, приметы, «молитовки» и пр., преподносимые самими старухами как кладезь испытанной временем народной мудрости, во многом обеспечивают ощущение устойчивости и понятности мира, в котором живут герои. Это-документы Потанина, в частности, адресованное И. П. Ювачеву автобиографическое сочинение «Curriculum vitae», позволяет говорить о том, что у романной Ионовны был прототип – также Ионовна, нянька писателя, о которой он пишет: «Ионовна была великая мастерица сказывать сказки» (ОР РНБ, ф. 118, д. 1275, л. 262 об.). Типологически близкий образ мы встречаем в рассказе А. И. Левитова «Бабушка Маслиха» (1864 г.). Маслиха

не крепостная; это мещанка, рыночная торговка, известная всей округе своими песнями-псалмами о «неизбежности скорого покаяния». Как и потанинские старухи, Маслиха воплощает собой уходящую старину и народную культуру: «Ни разу не слышал я, чтобы кто-нибудь пел так хорошо, как пела в старину бабушка Маслиха. И хлеба тоже во всем нашем городке ни одна торговка лучше ее не пекла» (Левитов, 1874, с. 292). «Ее внучка даже, вышедшая замуж за городского попа, поет уже большею частию совсем не то, что некогда пела она на базарной площади с своей бабкой» (Левитов, 1874, с. 294).

Идилличность жизни героев романа Потанина отчасти нарушается вторжением в этот мир чуждого ему человека, Васиного «петербургского дяденьки» – ламповщика, играющего роль столичного фата, уже оторвавшегося от традиционной крестьянской жизни и гордящегося этим разрывом. По просьбе Васиных родителей дядя берется учить мальчика грамоте. Петербургский учитель безжалостно избавляется и от старой Васиной азбуки с молитвами и мудрыми изречениями, и от старой истории, начинающейся словами «Бог сотворил небо и землю так прекрасно и великолепно», заменяет их «легчайшими» светскими книгами. Учение приводит к неожиданным результатам: Вася делается «беззащитной жертвой какой-то ужасной борьбы» (Потанин, 1861b, с. 454): мама и няньки мальчика чувствуют в «новом ученье, созданном из пустяков и вздору, по образцу петербургскому» (Потанин, 1861b, с. 446) скрытую угрозу. Однако в этот раз опасности удается избежать: Вася слишком привязан к старому миру, «сама святая Русь, говорит очарованному ребенку: “Нет, у питерского дяденьки нет таких славных сказок, какие знает твоя кормилица Ионовна”» (Потанин, 1861b, с. 458). Критика городской цивилизации, разрушающей идиллию сельской жизни, характерна и для европейского сельского романа, и для отечественной литературы о крестьянах. В русской литературе примером тому может служить роман Д. В. Григоровича «Рыбаки» (1853 г.). Как показывает А. В. Вдовин, разрушение идиллии в романе наступает в схватке с капитализмом. «Фабричный труд приводит к физической и нравственной деградации Захара» (Вдовин, 2024, с. 508), фабричного рабочего, пьяницы и мошенника. Под его развращающим влиянием главный герой романа, приемыш-сирота Гришка, губит пригравшую его рыбацкую семью Глеба Савинова, а затем погибает сам. Вдовин замечает: «...будучи сиротой, Гришка, в сущности, не имеет ресурсов и капитала выжить в сюжете романа: он не полностью впитал в себя рыбацкую трудовую этику, остается в семье Глеба чужим и легко поддается внешнему влиянию» (2024, с. 508). Положение потанинского Васи Подпалкина, с рождения помещенного в крестьянскую среду, оказывается в этом смысле гораздо более устойчивым.

Исследователь творчества Потанина А. Ф. Макеев замечает: «В “Прологе” к ненапечатанному третьему тому романа автор писал, что детство крепостного ребенка “было загромаждено всевозможным хламом старой жизни: и повериями, и предрассудками, и кривыми взглядами, и ложными страхами, и рутинным образованием, и пошлым учением, и безобразным влиянием на ребенка всех окружающих: рабов тела – родителей, рабов воображения – Ионики и Чудики, рабов мысли и ее развития – всевозможных учителей”» (1968, с. 212). В параллель приведенной цитате можно поставить фрагмент из неопубликованного дневника Потанина, который писатель называл «Ночником» и в котором, вспоминая детство, дал самому себе такую оценку: «...я чистый недоделок относительно облагороженного образа жизни, недоделок воспитания, недоучек образования, недоделок в карьере жизни» (РО ИРЛИ, ф. 634, д. 3820, л. 7 об.). И между тем, этот старый мир – «юдольный мирок» (РО ИРЛИ, ф. 634, д. 3820, л. 1), как называет его Потанин в дневнике, – близок и дорог автору. Маленький Вася, выбирая между выхолощенным петербургским учением и живой народной культурой, выбирает сказки няни – и это выбор, который хотел бы сделать и сам взрослый Потанин, тоскующий по прежней жизни, живя в столице. В подтверждение сказанному можно привести, например, выдержку из вложенного в дневник письма Потанина к матери от 18 декабря 1861 г.: «Чуждадельная сторонюшка – сторона не теплая, сторона не добрая, сторона неприветная, и хорошо на ней, а все не то, что дома! <...> Все истребляющий Питер тяжел, очень тяжел для меня, и не лежит у меня к нему сердце. Много в нем золота, много в нем сокровищ, много богатств и редкостей, но нет для меня одного – людей близких сердцу, нет своих, все бездушно, все холодно и все неприветно и неприютно» (РО ИРЛИ, ф. 634, д. 3820, л. 249).

На втором уровне романа проработана острая социальная проблематика: герои не просто крестьяне, а крепостные. Выходцем из крепостной среды, таким же сыном дворового, как и Вася Подпалкин, был и сам Потанин, во многом отразивший в романе собственные детские годы.

О своем бесправном положении маленький Вася узнает не сразу. В раннем детстве он беспрепятственно входит в господские хоромы, барыня часто сама зовет его в свою спальню, угощает остатками кофе и конфетами, однако стоит мальчику немного подрасти, как за прежнюю шалость, всегда вызывавшую у барыни умиление, его прогоняют прочь из барских комнат. В очерке «Curriculum vitae» Потанин вспоминает сходную ситуацию из своего крепостного детства: «...раздраженная барыня выгнала Ганьку вон из своего будуара за то, что он помешал ей читать книжку» (ОР РНБ, ф. 118, д. 1275, л. 262 об.). Еще не ощутимое героем неравенство положений между ним и его господами, для читателя очевидно: барыня забавляется Васей как игрушкой, испытывает к нему те же чувства, что и к своей собаке Жужутке. Здесь (выходя за рамки темы статьи) можно вспомнить реплику старухи Хлестовой из «Горя от ума» («От скуки я взяла с собой Арапку-девку да собачку, – Вели их накормить, ужо, дружочек мой; От ужина сошли подачку» (Грибоедов, 1995, с. 81)) или лирическую героиню стихотворения Некрасова «В дороге» (1845 г.) Грушу – крепостную девушку, ребенком взятую на воспитание в господский дом, в компаньонки барышне, и затем, за ненужностью, возвращенную на село (Некрасов, 2021, с. 314).

В повести Герцена «Сорока-воровка» (1846 г.) богатый князь, купивший крепостных актеров с публичного торгового, сразу дает почувствовать труппе, что они лишь «гаеры, назначенные для удовольствия». За малейший

проступок князь отправляет актеров в сибирку, что, однако, не освобождает их от игры на сцене: «...им туда роли посылают твердить... а потом связавши приводят» (Герцен, 1955, с. 226) – объясняет рассказчику княжеский лакей.

В повести Марко Вовчок «Игрушечка» (1859) сюжет об обращении с живым человеком как с игрушкой оказывается центральным. По прихоти помещицкой дочери Зиночки крепостную девочку Грушу забирают от матери в господский дом, впоследствии разлучают с любимым человеком. Грушу превращают в «Игрушечку», подчиненную барской воле даже в выражении чувств:

- Она все плачет по своей маме; она к своей маме хочет!
- Да пусть себе хочет! Чего ж вам-то беспокоиться. Не хотите – не пустим, мой ангел, вы не беспокойтесь!
- А плачет?
- Мало чего нет! да вы ведь ее взяли себе в забаву, вы ее госпожа, мое сокровище, что с ней захотите, то и сделаете: плакать прикажете – плачь! прикажете веселиться – веселись!

<...>

Вот барышня личико насупила, бровки нахмурила, надула губки и подступает ко мне грозно:

- Игрушечка! чего ты скучная? сейчас веселись! Ну, веселись! Я тебе приказываю, я твоя госпожа – веселись! (Вовчок, 1956, с. 11-12).

С начала второй главы романа крепостное положение мальчика, которое до сих пор констатировалось только самими героями, воспринимавшими его как данность, начинает проблематизироваться и автором: «Но что такое пятилетний ребенок у таких родителей, как наши чем-то вечно занятые крепостные люди? <...> Безошибочно можно сказать, что вся его физическая жизнь заключается в пяти только словах: есть, пить, спать и играть, а пятого нельзя уже и сказать» (Потанин, 1861а, с. 38). Представляя жизнь своего героя как нечто, за своей неприличностью требующее купюр и оговорок, Потанин, которому симпатичен и близок его герой, в очередной раз ставит себя в позицию своего читателя – образованного и, вероятно, занимающего привилегированное положение в обществе человека, которому «скучно читать историю глупых ребяческих игр», «видеть перед собою крепостных рабов» и встречать на страницах романа «отвратительные сцены» (1861с, с. 43) крестьянской жизни. Уличая читателя в барстве и презрении к простому народу, Потанин показывает, что проблема социального неравенства в российском обществе все еще далеко не решена.

Барские дети близки Васе по возрасту; до определенного времени они играют вместе, и барыня, «женщина самого деликатного свойства и самого тонкого понимания этих вещей», следит за тем, чтобы барчата не имели «и тени понятия о том, что они господа, а те – рабы» (Потанин, 1861с, с. 78). Ирония автора в отношении прогрессивности взглядов барыни подтверждается дальнейшим развитием сюжета. По мере того как дети растут, сословные различия между ними не только перестают игнорироваться господами, но и начинают специально подчеркиваться: заметив в Васе способности к учебе, барин приказывает мальчику учиться вместе с барчатами, чтобы через неприятное сравнение с крепостным подстегивать нерадивых детей учиться лучше («Вон – он твой собственный человек, да как учится; а ты у меня, ослятина, на что похож? В пастухи не будешь годиться!») (Потанин, 1861b, с. 450) – отчитывает помещик сына), а барыня запрещает Васе входить в детскую и играть с Лиденькой – младшей дочерью господ, Васиной детской подругой.

В отношениях между Васей и Лидией крепостное положение героя проявляется особенно драматично. Вася знает Лиденьку еще «в пеленках» (Потанин, 1861с, с. 55); кормилица барышни Лепестинья – родная тетка мальчика, и в раннем возрасте дети часто играют вместе. Чуть позже Вася находит в девочке друга, учителя и заступницу, ее «чудный образ» оказывается для героя «сознательнее и ближе всех, кого видал ребенок пред собою прежде» (Потанин, 1861с, с. 55). Мать Васи, мечтая о лучшей доле для любимого сына, пророчит ему: «Вот вырастешь большой и ступай вон к маленькой барышне в приданое; она добрая такая барышня, бить-то тебя там и не будут...» (Потанин, 1861с, с. 65). Об этом мечтает и сам Вася – и очень радуется, когда узнает, что Лидия назначает его своим слугой.

Из более поздних «Эпизодов из романа...» (Потанин, 1864) читатель узнает о сословной трансгрессии героя: в знак милости к умирающему слуге, отцу Васи, барин дарует одному из сыновей лакея вольную – после мучительных раздумий родители решают освободить старшего сына. Выход из крепостной зависимости открывает перед мальчиком новые перспективы – прежде всего, возможность продолжать учебу. Трагедия героя, по мысли Потанина, состоит в том, что раны, нанесенные жизнью в рабстве, оказывается невозможно залечить полностью. Эта идея автора воплощается в том числе в неопубликованном продолжении романа. Р. Б. Заборова замечает: «Судя по сохранившимся рукописям остальных трех частей романа, герой по окончании гимназии становится домашним учителем у Любоедовых, дочь которых Лидиньку он любит безнадежно, сознавая непреодолимость социального неравенства между ними, если даже он, “отпущенник”, окончит университет» (1973, с. 130-131). Тема социального неравенства, препятствующего любви, в русской литературе представлена широко: «Бедная Лиза» (1792) Карамзина, «Кто виноват?» (1846) Герцена, «Крестьянка» (1854) Потехина, «Ася» (1857) Тургенева, «Беглянка» (1861) Славутинского и т. д. – этот список можно продолжать. «Старое старится, молодое растет» встраивается в этот ряд, но оказывается не совсем обычным для этой традиции текстом, поскольку в уязвимом положении находится мужской, а не женский персонаж.

Подводя итог, можно сказать, что роман Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет», с одной стороны, воспроизводит многие топоры, присущие русской традиции изображения крестьянской жизни (интерес к простонародному быту и речи, критика городской цивилизации, ряд образов), с другой стороны,

содержит черты, для текстов этого ряда необычные (выбор в качестве героя романа воспитания крепостного ребенка и нетипичная любовная линия). Все это позволяет Потанину создать щемящее высказывание о крестьянстве, просвещении и свободе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, соответствующие поставленным задачам.

Во-первых, в результате применения метода целостного анализа текста были выявлены ключевые особенности репрезентации «крестьянского» мира в романе Г. Н. Потанина «Старое старится, молодое растет»: это, с одной стороны, этнографизм, с другой – сосредоточенность на социальных проблемах.

Во-вторых, применение биографического метода, в том числе обращение к личному дневнику и письмам Г. Н. Потанина, позволило установить ряд соответствий между жизнью писателя и событиями и героями, изображенными в романе. Так, например, автобиографический очерк Потанина «Curriculum vitae» позволяет говорить о том, что образ старухи Ионовны в романе был списан Потаниным с его няни, а в сценах «общения» крепостного мальчика с барыней нашел отражение эпизод из собственного детства писателя.

Наконец, в-третьих, в результате сопоставления романа «Старое старится, молодое растет» с другими произведениями русской литературы XIX в. о крестьянах в романе Потанина были выявлены типичные для текстов этого ряда черты и особенности, нехарактерные для традиции.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в углублении уже изученного материала за счет более детального рассмотрения текста романа Г. Н. Потанина. Важным кажется проанализировать, что представляет крепостная жизнь для второстепенных персонажей романа, не рассмотренных в настоящей статье, – в первую очередь матери Васи и незаконнорожденного барского сына Емельянушки Пырочкина, впоследствии ставшего деревенским юродивым: поскольку это взрослые люди, можно предположить, что они могут переживать и воспринимать свое крепостное положение иначе, чем герой-ребенок. Кроме того, перспективным и заслуживающим специального рассмотрения представляется анализ романа с точки зрения того, как в нем представлена субъективность крестьянских персонажей, как автор изображает мысли и чувства протагонистов, а также исследование вопроса о корреляции автобиографического начала романа и степени прозрачности сознания его героев.

Материалы исследования | Research materials

1. Анненков П. В. По поводу романов и рассказов из простонародного быта // «Современник» против «Москвитянина»: Литературно-эстетическая полемика первой половины 1850-х годов / под ред. А. В. Вдовина, К. Ю. Зубкова, А. С. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2015.
2. Вовчок М. Игрушечка // Русские повести XIX века 60-х годов: в 2 т. М.: Гослитиздат, 1956. Т. 2.
3. Герцен А. И. Полное собрание сочинений: в 30 т. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 4.
4. Грибоедов А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. СПб.: Нотабене, 1995. Т. 1: Горе от ума.
5. Григорович Д. В. Избранное. М.: Художественная литература, 1976.
6. Левитов А. И. Степные очерки. Изд-е 2-е, М.: Типография А. И. Мамонтова и Ко, 1874. Кн. 1.
7. Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений: в 3 т. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. Т. 1: 1838-1855.
8. ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 118. Д. 1275.
9. Потанин Г. Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861а. № 1.
10. Потанин Г. Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861b. № 2.
11. Потанин Г. Н. Старое старится, молодое растет // Современник. 1861c. № 3; № 4.
12. Потанин Г. Н. Эпизоды из романа «Старое старится, молодое растет» // Русское слово. 1864. № 9.
13. Решетников Ф. М. Избранные произведения: в 2 т. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 1.
14. РО ИРЛ – Рукописный отдел Института Русской литературы (Пушкинского Дома). Ф. 634. Д. 3820.
15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. М.: Художественная литература, 1936. Т. 32: Воскресение.

Источники | References

1. Артамонова Л. М. Г. Н. Потанин – педагог, краевед, писатель, мемуарист // Самарский край в истории России: материалы Межрегиональной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения П. В. Алабина. Самара: Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина, 2015. Вып. 5.
2. Блинчевская М. Я. Из переписки Некрасова // Некрасовский сборник. Л.: Наука, 1983. Т. VIII.
3. Вдовин А. В. Загадка народа-сфинкса. Рассказы о крестьянах и их социокультурные функции в Российской империи до отмены крепостного права. М.: Новое литературное обозрение, 2024.
4. Заборова Р. Б. Из архивных разысканий о Н. А. Некрасове // Русская литература. 1973. № 4.
5. Краснов Г. В. Гавриил Потанин // Краснов Г. В. Н. А. Некрасов в кругу современников. Коломна: Коломенский государственный педагогический институт, 2002.

6. Лотман Л. М. Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: в 2 т. / редкол.: А. С. Бушмин, Б. П. Городецкий, Н. И. Пруцков, Г. М. Фридлине. М. – Л.: Наука, 1964. Т. 2.
7. Макеев А. Ф. Из воспоминаний Г. Н. Потанина // Живая старина. 2001. № 3.
8. Макеев А. Ф. Изображение крестьянства в романе Г. Н. Потанина «Крепостное право» // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. 1968. Т. 20. Вып. 1.
9. Макеев М. С. Спор о человеке в русской литературе 60-70 гг. XIX века: литературный персонаж как познавательная модель человека. М.: Диалог-МГУ, 1999.
10. Сажин В. Н. Книги горькой правды. М.: Книга, 1989.

Информация об авторах | Author information



Гусева Зоя Вячеславовна¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова



Zoia Viacheslavovna Guseva¹

¹ Lomonosov Moscow State University

¹ zoia.guseva.2000@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 07.04.2026; опубликовано online (published online): 30.04.2026.

Ключевые слова (keywords): русская литература 1860-х гг; крестьяне в литературе; Г. Н. Потанин; роман воспитания; дневник; Russian literature of the 1860s; peasants in literature; Gavriil N. Potanin; Bildungsroman; diary.